

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.29

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ
ПРИ ОЦЕНКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

ГИЗАТУЛЛИН Ирек Альфредович

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса Института права Башкирского
государственного университета, г. Уфа, Россия.*

E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru

В статье анализируются некоторые процессуальные и внепроцессуальные факторы, препятствующие свободной оценке судьей заключения эксперта по уголовному делу. Обоснован тезис о том, что в существующих правоприменительных реалиях заключение эксперта приобретает статус абсолютизированного доказательства, имеющего заранее установленную силу. Это связано с фактическим отсутствием состязательности сторон в процедурах назначения и производства экспертизы, а также со сложностью оценки судьей этого вида доказательства при отсутствии у него специальных знаний. **Цель** работы заключается в разработке теоретических положений, обосновывающих необходимость совершенствования процедур назначения и производства экспертизы, а также оценки экспертного заключения судом для обеспечения судейской независимости. В статье использованы **методы** системного анализа, синтеза, социологического опроса и обобщения. Сформулирован и аргументирован **вывод** о том, что обеспечение свободы внутреннего убеждения судьи при оценке заключения эксперта прямо зависит от расширения возможностей использования в доказывании альтернативного мнения другого носителя специальных знаний в этой же области – заключения и показаний специалиста. Предлагается закрепить в законе правило об обязательности удовлетворения ходатайств сторон о приобщении к делу заключений специалистов и исследовании их в судебном заседании, с обязательным отражением результатов такого исследования в тексте судебного решения по делу.

Ключевые слова: судебная экспертиза; заключение эксперта; внутреннее убеждение судьи; заключение специалиста; независимость судей; доказывание.

Проблемы, связанные с установлением фактов по уголовному делу путем использования специальных знаний, остаются одними из самых острых для научного сообщества. Многочисленные дискуссии об обеспечении состязательности на этапах назначения и производства экспертизы, об оценке заключения эксперта, путях разрешения конкуренции нескольких заключений и многом другом в конечном счете порождены процедурными особенностями получения заключения эксперта и его последующей оценки субъектом доказывания.

Сведения, содержащиеся в экспертном заключении, могут лечь в основу судебного решения лишь в случае их полной оценки на основе внутреннего убеждения с позиции относимости, допустимости и достоверности. Это обстоятельство порождает существование одной из самых известных проблем использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве – сложности оценки заключения эксперта – акта, в котором изложены выводы по результатам проведенного им исследования с использованием специальных знаний, субъектом доказывания – лицом, который этими знаниями не обладает.

Несмотря на то что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, заключение эксперта за все время своего существования стояло неким особняком от этого правила. Например, в дореволюционной России было довольно распространенным считать судебного эксперта научным судьей, а его заключение – безусловным доказательством, которое должно приниматься на веру, поскольку судья не может ставить под сомнение то, в чем он сам не разбирается [1, с. 197]. Сейчас же, при законодательно закрепленном принципе свободы оценки доказательств, не принято придавать эксперту столь авторитетный статус, а его выводы по результатам проведенного исследования считать неопровержимыми доказательствами. Однако современные правоприменительные реалии таковы, что заключение эксперта зачастую выступает в качестве абсолютизированного доказательства, одно лишь наличие которого по уголовному делу зачастую предопределяет принятие судом на веру всех сведений, содержащихся в нем. Среди множества обстоятельств, обуславливающих возникновение такой ситуации, выделим основные: особенности законодательной регламентации получения и оценки заключения эксперта, тенденции правоприменительной практики и сформированные штампы поведения участников процесса. В специальной литературе эти факторы принято рассматривать в качестве препятствия для использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, но здесь обратим внимание на то, что их наличие отрицательно влияет на деятельность суда как независимого субъекта доказывания.

Традиционно большинство экспертиз назначаются и производятся на досудебном этапе, и именно на этом этапе зарождаются причины, которые способствуют восприятию заключения эксперта как доказательства, не нуждающегося в оценке. В первую очередь они вызваны отсутствием фактической состязательности сторон в этих процедурах. Так, А.А. Тарасов, исходя из положений уголовно-процессуального закона, правоприменительной практики и собственного адвокатского опыта, приходит к выводу о том, что сторона защиты хоть и обладает достаточным объемом процессуальных прав, которые призваны обеспечить баланс сторон, но их фактическая реализация практически невозможна, поскольку на лицах, ответственных за назначение и производство экспертиз, не лежит обязанность по их обеспечению [2, с. 73–74]. Так, право заявления отвода эксперту и право участия при производстве экспертизы остаются законодательной фикцией в обыденных для практики ситуациях, когда ничего неизвестно ни о личности эксперта, ни о месте и времени проведения экспертизы: в постановлении о назначении экспертизы этих данных нет, как нет и предусмотренной законом обязанности следователя информировать стороны об этом [2, с. 74–76]. Между тем отвод эксперта как минимум позволяет исключить корпоративный союз со следователем, если у стороны возникают какие-либо подозрения в возможной заинтересованности эксперта ввиду производства экспертизы в экспертном учреждении, относящемся к одному с органом следствия ведомству; участие стороны защиты при производстве экспертизы способно гарантировать большую объективность и качество проводимого исследования, поскольку участники могут давать объяснения эксперту и привлекать специалиста для этих целей.

Таким образом, в отсутствие императивных предписаний по обеспечению прав стороны защиты лицом, назначающим экспертизу, остается надеяться лишь на добросовестное отношение стороны обвинения: дать возможность выбрать экспертное учреждение, своевременно известить сторону защиты о месте и времени проведения экспертизы, предоставить данные о личности эксперта и т. д.

К нередкому фактическому отсутствию состязательности следует добавить и известную проблему обеспечения достоверности сведений в экспертном заключении путем установления уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения экспертом, которая не способна полностью уберечь от дачи ложного заключения, поскольку отграничить «заведомую ложность» от обычной ошибки эксперта сложно, а доказать саму ложность, охватываемую умыслом эксперта, еще труднее [3; 4; 5].

В судебном производстве при оценке заключения эксперта судья также сталкивается с проблемой отсутствия у него специальных знаний по профилю проведенной экспертизы. Многие современные авторы единодушны в том, что суд по объективным причинам способен оценить лишь полноту заключения и проверить, соблюдены ли экспертом необходимые процессуальные требования при производстве и оформлении экспертизы, соответствует ли методике исследовательская часть заключения [6, с. 467; 7, с. 360]. Сразу оговоримся, что утверждать о полном отсутствии специальных знаний у судьи, как и у любого другого профессионального юриста – участника уголовного судопроизводства, не совсем верно, поскольку каждый из них как минимум получал эти знания в рамках вузовской подготовки, и эти знания, безусловно, необходимы и реализуются, например, при определении профиля назначаемой экспертизы, формулировании вопросов эксперту и т. д. Но такой уровень знаний не способен обеспечить реальную возможность полной оценки всего заключения, тем более когда речь идет об оценке результатов сложных, комплексных экспертиз. Бесплезными и нереализуемыми кажутся предложения некоторых авторов по решению этой проблемы путем самообразования и постоянного повышения квалификации самих судей, их тесного сотрудничества с экспертными подразделениями, проведения совместных совещаний [8, с. 58]. Судья, как и следователь, дознаватель, прокурор, – профессиональный юрист, задача которого в уголовном судопроизводстве в конечном счете состоит в правильном применении закона, а не в реализации знаний в различных отраслях медицины, техники или ремесла при принятии процессуальных решений. Для этого существуют эксперты и специалисты. Сотрудничество с экспертными учреждениями вне рамок уголовного процесса путем проведения совместных совещаний само, кажется, вызывает любые подозрения со стороны и едва ли согласуется с принципом независимости судебной власти.

При существующих условиях можно сказать, что в лучшем случае наличие у судьи базового уровня специальных знаний позволяет лишь оценивать наиболее простые экспертные заключения, в которых проведены несложные исследования с использованием понятных методов, текст исследовательской части и части выводов не изобилует специфичными формулировками. Сказанное подтверждается и результатами проведенного опроса судей. Так, большинство из них (77, или 68,75 %) считают, что могут дать оценку любому заключению эксперта: в простых случаях – самостоятельно, а в случаях проведения сложных исследований только с помощью

эксперта; вариант ответа «самостоятельно» выбран 31 (27,68 %) судьей, а 4 (3,57 %) судей полагают, что «всегда лишь с помощью эксперта»¹.

Тот факт, что судья не в состоянии полно оценить заключение эксперта ввиду отсутствия у него специальных знаний, порождает распространенную на практике ситуацию: оценка судом заключения сводится лишь к проверке полноты выводов и их соответствия поставленным перед экспертом вопросам. Анализ судебной практики показал, что в 295 (91 % от общего количества изученных дел) уголовных дел, в которых имелось заключение эксперта, по 230 (78 %) делам суд сослался только на выводы экспертного заключения и привел их в тексте решения; в 44 (14,9 %) случаях суд указал лишь на наличие экспертного заключения как на доказательство, подтверждающее обвинение; только в 21 (7,1 %) решениях судом были проанализированы исследовательская часть и выводы, дана собственная оценка заключению². Содержания протоколов судебных заседаний по этим делам также свидетельствуют о фактическом отсутствии полноценного исследования судами экспертного заключения: в 256 протоколах зафиксирован лишь факт такого исследования путем употребления распространенной фразы «судом исследуется (исследовалось) заключение эксперта...», в 6 протоколах уточнялась конкретная часть исследуемого заключения, а в 33 отсутствовало указание на исследование каких-либо материалов дела (в том числе экспертного заключения), что, скорее, связано с технической ошибкой секретаря – отсутствием фиксации всех процессуальных действий, производимых в рамках судебного заседания.

Тенденция доверять результатам экспертизы при исследовании лишь выводов заключения с их последующим копированием в текст решения представляется вредной для целей уголовного судопроизводства. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что отсутствие оценки заключения эксперта справедливо признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Причем среди подобных дел нередки случаи, когда в силу специфики и небольшой сложности

¹ Здесь и далее приводятся результаты анкетирования 112 судей районных судов Республики Башкортостан и Уфы, судей Верховного Суда Республики Башкортостан и Челябинского областного суда, проведенного автором в рамках диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

² Здесь и далее приводятся результаты изучения 324 материалов уголовных дел, рассмотренных районными судами Уфы, районными и межрайонными судами Республики Башкортостан, Верховным Судом Республики Башкортостан, городскими и районными судами Челябинской области и Челябинским областным судом, а также судами разного звена различных регионов Российской Федерации.

произведенной экспертизы суд мог самостоятельно, не прибегая к совершению дополнительных процессуальных действий (вызов эксперта на допрос, назначение повторной или дополнительной экспертизы и т. д.), дать полноценную оценку заключению. Рассмотрим несколько примеров.

По приговору Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 20 сентября 2011 г. Г.С.К. и Г.С.С. осуждены по п. «б» ч. 3 ст. 165 УК РФ за то, что Г.С.К., являясь лицом, ответственным за техническое обслуживание лифтов по г. ... ЗАО «...», а Г.С.С., являясь мастером по организации эксплуатации лифтов «...» участка ЗАО «...», с октября 2005 г. по декабрь 2008 г., вступив в преступный сговор, умышленно, из корыстных побуждений причинили путем злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения имущественный ущерб ЗАО «...» на сумму «...» рублей. Делая вывод о виновности, суд сослался в том числе и на заключение судебно-бухгалтерской экспертизы, которым определялся размер причиненного ущерба. В надзорной жалобе адвокаты осужденных указали, что судебные решения подлежат отмене ввиду несоответствия выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела, существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, в том числе ввиду отсутствия оценки судом доказательств дела. При пересмотре уголовного дела Президиум Верховного Суда Республики Башкортостан установил, что суд не дал всем изложенным в приговоре доказательствам надлежащую оценку, а ограничился их простым перечислением. Так, из заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, на котором основаны выводы обвинения о причинении ЗАО «...» ущерба, не видно, из чего конкретно складывается сумма имущественного ущерба каждого из предприятий, с кем заключил договор ООО «...», какие конкретно средства ЗАО «...» им были использованы¹.

Формулировки доводов суда надзорной инстанции позволяют судить об отсутствии оценки судом первой и кассационной инстанций исследовательской части, методики исследования и соответствия выводов вопросам, поставленным перед экспертом. Смеем предположить, что в противном случае суды установили бы недостоверность экспертного заключения на более ранних этапах. Признав наличие нарушения судами при исследовании и других доказательств, Президиум вернул дело на новое рассмотрение. Итоговым решением стал оправдательный приговор, в основу которого лег также вывод о несостоятельности экспертного заключения.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 25.07.2012 № 44у498/2012. Уголовное дело № 44у 498/2012 // Архив Салаватского городского суда Республики Башкортостан.

Подобные нарушения не являются исключением и в случаях, когда в деле имеются два противоположных заключения эксперта. При выборе наиболее предпочтительного суд обязан дать оценку каждому заключению.

По приговору Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 27 января 2013 г. Г. осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Как следует из материалов уголовного дела, в ходе предварительного расследования была проведена автотехническая экспертиза, заключением которой установлено, что водитель автомобиля КамАЗ-6520 не имел технической возможности предотвратить столкновение с автомобилем КамАЗ-5662 путем торможения. После окончания предварительного следствия по запросу защитника было проведено экспертное исследование экспертом Башкирской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РФ В. В ходе судебного разбирательства по ходатайству адвоката и на основании данных экспертного исследования была назначена дополнительная автотехническая экспертиза, производство которой поручено тому же экспертному учреждению. В заключении дополнительной автотехнической экспертизы эксперт В. указал, что водитель автомобиля КамАЗ-6520 имел техническую возможность предотвратить столкновение с автомобилем КамАЗ-5662 путем торможения. Отменяя приговор, суд апелляционной инстанции указал, что судом не дана оценка каждому из заключений в совокупности с другими доказательствами, что нарушило требования ст. 307 УПК РФ. Кроме того, не было учтено требование ч. 4 ст. 283 УПК РФ, согласно которой суд вправе назначить повторную судебную экспертизу при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов¹.

Приведенные примеры демонстрируют пассивность суда в исследовании заключений экспертов. Хотим заметить, что причина этого зачастую не связана с умышленным игнорированием судом обязанности по исследованию всех доказательств, как может показаться на первый взгляд. Суды, в общем-то, давали оценку всем другим доказательствам (показаниям свидетелей, процессуальным документам и др.), без внимания оставались именно заключения эксперта. Думается, что такая практика в первую очередь обусловлена укоренившимся в правовом сознании представлении о невозможности оценивать то, в чем сам не разбираешься: если заключение дано авторитетным экспертным учреждением в лице не менее авторитетного эксперта с большим опытом работы, дополни-

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22-3276/2014. Уголовное дело № 22-3276/2014 // Архив Уфимского районного суда Республики Башкортостан.

тельное обременение исследованием едва ли понятного для юриста текста кажется простой тратой времени и сил. Примечательны и результаты анкетирования судей в вопросе о способах оценки заключения эксперта по уголовному делу. Из 112 судей 42 (37,5 %) ответили, что оценивают целесообразность и научность применяемых методов, обоснованность и аргументированность выводов; 40 (35,71 %) полагаются на квалифицированность эксперта; 27 (24,11 %) проверяют лишь соблюдение порядка назначения и производства экспертизы.

Непростые условия, в которых каждый раз при оценке заключения эксперта оказывается судья, не должны оправдывать допустимость отклонений от правила о необходимости исследования всех доказательств. Более того, казалось бы, уголовно-процессуальный закон предоставляет суду достаточные средства для преодоления препятствий при оценке экспертного заключения в случае неясности, неполноты или возникновения сомнений в достоверности результатов исследования. Для дачи разъяснений по заключению или его дополнения суд может допросить эксперта (ч. 1 ст. 282 УПК РФ), также суд по собственной инициативе вправе назначить повторную либо дополнительную экспертизу (ч. 4 ст. 283 УПК РФ). По сути, указанные полномочия в совокупности достаточны для обеспечения правильной оценки экспертного заключения судом и установления новых необходимых для дела обстоятельств. С формальной точки зрения все предельно просто, фактическая сторона этого вопроса намного сложнее, чем может показаться.

Допрос эксперта и назначение повторной или дополнительной экспертизы на практике обременяется для суда многими трудоемкими действиями: для допроса эксперта необходимо вызвать его в суд, допросить с участием сторон, нередко предоставить время, необходимое эксперту для ответа на вопросы суда и сторон; назначение новой (повторной или дополнительной) экспертизы требует определения экспертного учреждения и, возможно, компетенции эксперта, нового формулирования вопросов, предоставления возможности сторонам изложить свои вопросы и т. д. Все это как минимум немалые временные затраты. Психологически проще сделать другой такой же «законный» выбор – согласиться с имеющимся заключением и огласить его на судебном заседании.

Назначение повторной или дополнительной экспертизы должно иметь основания, предусмотренные законом, а суд в процессуальном документе обязан привести доводы в пользу необходимости новых экспертиз. Согласно ст. 207 УПК РФ дополнительная экспертиза назначается в случае недостаточной ясности, полноты заключения эксперта и при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоя-

тельств уголовного дела, а повторная экспертиза – в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам. Кроме того, ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ вместе с «сомнениями в обоснованности» определяет дополнительное основание назначения повторной экспертизы, которое отсутствует в ст. 207 УПК РФ, – сомнения в правильности ранее данного заключения. Однако определить эту «правильность» суду, как и любому участнику уголовного судопроизводства без наличия специальных знаний, практически невозможно, как и невозможно обосновать необходимость назначения повторной экспертизы по этому основанию, ведь, как правильно отмечает А.А. Тарасов, в постановлении о назначении повторной экспертизы «должны будут фигурировать вовсе не ссылки на другие доказательства, не соответствующие выводам эксперта, а доводы в пользу того, что результаты самого экспертного исследования не соответствуют объективной действительности, то есть неправильные по существу» [2, с. 38]. Такие же доводы должны быть приведены и при заявлении сторонами ходатайств о назначении повторной экспертизы, что также весьма затруднительно. Например, из 295 изученных уголовных дел с экспертными заключениями только в 51 (17,3 %) случае стороны заявили ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы, и лишь 17 из них были удовлетворены судом (10, или 19,6 %, – о назначении дополнительной, 7, или 13,7 %, – повторной). Полагаем, что столь небольшой процент соотношения числа заявленных и удовлетворенных судом ходатайств – результат низкой аргументации сторонами ничтожности существующего заключения по делу и необходимости назначения новой, повторной или дополнительной экспертизы.

Во всех описанных нами ситуациях видится не только давно известная проблема использования специальных знаний при доказывании по уголовным делам. При реализации всех процедур, связанных с признанием заключения эксперта доказательством или, напротив, его опровержением, независимость судьи проверяется на прочность чаще, чем может показаться. Отсутствие специальных знаний, необходимых для оценки судьей заключения эксперта любой сложности, предопределяет способность оценивания лишь порядка назначения и производства экспертизы на практике; традиционная ведомственная связь экспертных учреждений с органами предварительного расследования оборачивается от-

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Российская газета. 2001. 5 июня.

сутствием состязательности и принятием на веру содержания заключения субъектом доказывания; и наконец, большие процессуальные усилия и временные затраты, требующиеся суду для проверки или опровержения заключения эксперта, формируют природу обвинительного уклона суда.

Между тем наличие по уголовному делу другого мнения носителя специальных знаний как альтернативы имеющемуся заключению эксперта позволяет избежать большинства негативных условий и правоприменительных проблем. Перед судом в этом случае предстают 2 (возможно, и более) разных суждения носителя специальных знаний по одному профилю, анализируя каждое из которых, судья выберет наиболее обоснованное и предпочтительное, возможно, и вовсе назначит новую экспертизу. Два разных суждения способны посеять сомнения в достоверности содержания друг друга, в них могут быть использованы разные методы, и аргументация выводов, как правило, тоже приводится разная. В таком случае знания судьи кажутся уже достаточными, чтобы оценить каждое заключение.

Обеспечение состязания двух профессиональных суждений возможно путем привлечения другой фигуры, по закону также обладающей специальными знаниями, – специалиста. Принимая во внимание тот факт, что в досудебном производстве правом назначения экспертизы обладают властвующие представители стороны обвинения и именно результаты назначенной ими экспертизы в последующем попадают в суд, представить в суд альтернативу этому заключению путем привлечения специалиста должно быть в интересах стороны защиты. Современное уголовно-процессуальное законодательство предоставляет достаточные возможности для этого. Представляется, что положения о запрете в отказе удовлетворения ходатайства стороны защиты о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ) и таком же запрете в отказе удовлетворения ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон (ч. 4 ст. 271 УПК РФ), уже сами по себе способны разрешать большинство проблем, сопровождающих назначение и производство экспертизы.

В то же время мы убеждены, что ни одно заключение специалиста не может заменить собой заключение эксперта. Иное приводит к опасности, о которой в специальной литературе сказано давно, – размыванию граней между заключениями эксперта и специалиста [9, с. 98]. Апеллирование к фигуре специалиста здесь – единственная существующая возможность обеспечить состязательность в процедурах назначения и производства экспертизы, не прибегая к радикальным мерам, например, к закреплению за защитником права самостоятельного назначения экспертизы.

Использование помощи специалиста при формулировании вопросов, выборе экспертного учреждения и эксперта соответствующего профиля уже способно благоприятно влиять на результаты проводимой в будущем экспертизы, а значит, и на качество экспертного заключения, оцениваемого в последующем судом. Привлекать специалиста к участию в уголовном деле полезно и уже при имеющемся заключении эксперта. В этом случае его знания необходимы для оценки достоверности и правильности заключения, для возможной аргументации необходимости назначения дополнительной или повторной экспертизы, при постановке вопросов перед экспертом, вызванным на допрос в суд.

Несмотря на привлекательность этих возможностей, на практике сторона защиты пользуется услугами специалиста для указанных целей не так часто. Так, только в 4,1 % уголовных дел стороной защиты был привлечен специалист в целях опровержения экспертного заключения, аргументации вызова на допрос эксперта или назначения повторной или дополнительной экспертизы. Вполне возможно, что такая тенденция связана с отмечаемым в литературе недоверием органов предварительного расследования и суда к заключению специалиста [2, с. 105] и непринятием такого документа, представленного стороной защиты, по мотиву несоблюдения процессуальной формы [10, с. 33]. Тем не менее остается бесспорным то, что наличие по уголовному делу нескольких различных мнений сведущих лиц заметно упрощает функцию суда по установлению обстоятельств, значимых для принятия решения. Обратимся к примеру из судебной практики.

Приговором Чекмагушевского межрайонного суда Республики Башкортостан Ф.Б.Г. осужден по ч. 1 ст. 201 УК РФ за то, что, являясь директором ООО «...», будучи единоличным руководителем Общества, использовал полномочия директора вопреки интересам Общества с целью извлечения имущественной выгоды для себя и тем самым причинил организации существенный материальный вред, а именно приобрел сельскохозяйственную технику и передвижную емкость, которые хранил для эксплуатации в личных целях¹. Для оценки приобретенного Ф.Б.Г. имущества следователь привлек специалиста Отдела МВД по Бакалинскому району Республики Башкортостан, который в своем заключении установил, что рыночная стоимость трактора и емкости с учетом износа составила, соответственно, 896 650 и 24600 руб. В то же время подсудимый и его защитник привлекли

¹ Приговор Чекмагушевского межрайонного суда Республики Башкортостан от 04.12.2017 по уголовному делу № 1-105/2017 // Архив Чекмагушевского межрайонного суда Республики Башкортостан.

для оценки другого специалиста ООО «...», который в своем заключении определил, что рыночная стоимость трактора «Беларус-1221.2» и передвижной емкости заметно ниже и составляет, соответственно, 452 000 и 6100 руб. Таким образом, перед судебным разбирательством в деле наличествовало два разных мнения, изложенных на основе разных методов и подсчетов по одному и тому же вопросу двумя разными специалистами, представляющими два абсолютно разных учреждения. В ходе судебного разбирательства суд оценил каждое заключение и отдал предпочтение заключению, представленному стороной защиты, поскольку посчитал, что оно является обоснованным, мотивированным и согласуется с остальными материалами уголовного дела. Что же касается заключения специалиста Отдела МВД России по Бакалинскому району Республики Башкортостан, то при его оценке суд усмотрел, что выводы эксперта основаны на недостаточном исследовании поставленных перед ним вопросов, не содержат необходимого обоснования, достаточным образом не мотивированы, поэтому данное заключение не может быть принято судом.

В этой ситуации можно увидеть, что представление альтернативного мнения стороной защиты помогло суду в более тщательной оценке имеющегося заключения: разрешение возникшей конкуренции между ними требовало от суда тщательного изучения содержания заключений, их сравнения и способствовало пониманию каждого из них. Так, при ближайшем рассмотрении мотивировки суда в принятии одного заключения и отклонении другого также построены на сравнении путем противопоставления: оценка двух заключений идет в неразрывной связи друг с другом, судом использованы противоположные оценочные суждения (мотивированны/не мотивированны; обоснованны/не содержат необходимого обоснования) и т. д. Едва ли можно предположить возможность такого сравнительного анализа в отсутствии альтернативы.

Здесь же отметим, что заключение специалиста как процессуальная альтернатива заключению эксперта полезна не только своей возможной конкурентоспособностью, но и просто своим фактическим наличием. Зачастую содержание заключения специалиста, представленного стороной защиты, само по себе способствует пониманию судом содержания заключения эксперта, выступает вспомогательным информационным материалом, поскольку в нем могут раскрываться сложные термины, использоваться простые формулировки, а также быть представлены альтернативы методам экспертного исследования. Все это для сторон как минимум потенциальная возможность посеять сомнения в правильности экспертного заключения, аргументация необходимости проведения дополни-

тельной или повторной экспертизы, а для суда – консультативная помощь в оценке заключения эксперта.

Подведем итог сказанному. На качество экспертного заключения положительно влияет процессуальная активность стороны защиты в процедурах назначения и производства экспертизы. В свою очередь, степень этой активности зачастую зависит не только от инициативности защитника, но и от добросовестности следователя или дознавателя. Усиление состязательных начал в процедурах получения сведений с использованием специальных знаний способствует не только поддержанию равноправности, но и обеспечивает получение полного и достоверного заключения эксперта, которое будет оцениваться в последующем судом. Свобода внутреннего убеждения судьи при оценке заключения эксперта прямо зависит от расширения возможностей использования в доказывании альтернативного мнения другого носителя специальных знаний в этой же области – заключения и показаний специалиста. В связи с этим предлагается закрепить в законе правило об обязательности удовлетворения ходатайств сторон о приобщении к делу заключений специалистов и исследовании их в судебном заседании с обязательным отражением результатов такого исследования в тексте судебного решения по делу.

Библиографический список

1. Владимиров Л.Е. Учения об уголовных доказательствах. СПб. : Законоведение, 1910. 331 с.
2. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. М. : Проспект, 2017. 128 с.
3. Иванова Е.В. Некоторые вопросы дифференциации ошибочных и заведомо ложных заключений экспертов по делам о наркопреступлениях // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 22–25.
4. Мишин А.В., Мазуренко П.Н. Проблемы разграничения экспертной ошибки от заведомо ложного заключения эксперта // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 104–106.
5. Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Уголовно-процессуальный аспект дифференциации уголовной ответственности эксперта и специалиста за дачу заведомо ложных показаний и заключений // Legal Concept. 2017. № 3. С. 21–26.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М. : Норма, 2006. 479 с.
7. Белкин А.Р. Теория доказательств в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. 528 с.

8. Хамова И.Е. Оценка допустимости заключения эксперта в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 233 с.

9. Шейфер С.А. Доказательства и доказывания по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2008. 240 с.

10. Кудрявцева А.В., Морозова Ю.А. Процессуальный статус эксперта и специалиста: общее и особенное // Дифференциация уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : сб. науч. ст. Челябинск : Цицеро, 2015. С. 30–49.

Дата поступления: 05.12.2020

**PROBLEMS IN THE EXERCISE OF THE INDEPENDENCE
OF JUDGES IN ASSESSING AN EXPERT OPINION
IN A CRIMINAL CASE**

GIZATULLIN Irek Alfredovich

*Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: gizatullin-irek@rambler.ru*

The article analyzes some procedural and non-procedural factors that prevent the judge from assessing the expert's opinion in a criminal case freely. The article states that, in the existing law enforcement realities, the expert's opinion acquires the status of an absolute evidence having a pre-determined value. This is due to the de facto lack of competition between the parties in the procedures for appointing and producing an examination, as well as to the difficulty of assessing this type of evidence by a judge in the absence of special knowledge for that. **Purpose:** to develop theoretical provisions justifying the need to improve the procedures for the appointment and production of expert opinions, as well as the assessment of expert opinions by the court, in order to ensure judicial independence. The paper uses the **methods** of system analysis, synthesis, sociological polling and generalization. The author **concludes** that ensuring the freedom of judge' inner conviction when assessing an expert's opinion directly depends on expanding the possibilities of using an alternative opinion of another person with a specialized knowledge in the same area – the expert's opinion and testimony. In this regard, it is proposed that the law should make it mandatory to grant requests by parties for expert opinions to be admitted and

examined in court, and that the results of such research should be reflected in the text of the court decision on the case.

Keywords: forensic examination; expert opinion; judge's inner conviction; professional judgment; independence of judges; proving.

References

1. Vladimirov L.E. *Ucheniya ob ugovolnyh dokazatel'stvah* [Teachings on Criminal Evidence]. Saint Petersburg, Zakonovedenie Publ., 1910. 331 p.
2. Tarasov A.A. *Ekspert i specialist v ugovolnom processe Rossii* [Expert and specialist in criminal proceedings in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 128 p.
3. Ivanova E.V. Some issues of differentiation of erroneous and deliberately false expert opinions in drug-related crimes. *Narkokontrol' = Narcocontrol*, 2014, no. 1, pp. 22–25. (In Russian).
4. Mishin A.V., Mazurenko P.N. Problems of differentiating an expert error from a deliberately false expert opinion. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2018, no. 1, C. 104–106. (In Russian).
5. Tarasov A.A., SHaripova A.R. The criminal procedural aspect of the differentiation of the criminal responsibility of an expert and a specialist for knowingly giving false testimony and opinions. *Legal Concept*, 2017, no. 3, pp. 21–26. (In Russian).
6. Aver'yanova T.V. *Sudebnaya ekspertiza: kurs obshchej teorii* [Forensic Science: General Theory Course]. Moscow, Norma Publ., 2006. 479 p.
7. Belkin A.R. *Teoriya dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve* [Evidence theory in criminal proceedings]. Moscow, Norma Publ., 2005. 528 p.
8. Hamova I.E. *Ocenka dopustimosti zaklyucheniya eksperta v ugovolnom processe Kand. Diss.* [Assessment of the admissibility of an expert opinion in criminal proceedings. Cand. Diss.]. Krasnodar, 2011. 233 p.
9. SHEjfer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvaniya po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 240 p.
10. Kudryavceva A.V., Morozova YU.A. The procedural status of an expert and a specialist: general and specific. *Differenciaciya ugovolnogo sudoproizvodstva kak garantiya obespecheniya prav uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva* [Differentiation of criminal proceedings as a guarantee of ensuring the rights of participants in criminal proceedings]. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2015, pp. 30–49. (In Russian).

Received: 05.12.2020